

Научная статья
УДК 94(47).084.3
doi: 10.17223/15617793/476/2

В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевицкой периодической печати востока России в ноябре 1917 – августе 1918 г.

Кирилл Александрович Конев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, konev-k-92@rambler.ru, kk.tsu@yandex.ru*

Аннотация. Определяется содержание образа союзников, конструируемого в небольшевицкой периодической печати востока России с ноября 1917 по август 1918 г., и выявляется его влияние на идеологический аспект формирования антибольшевицкого движения на данном этапе. Автор приходит к выводу о двойственности содержания формировавшегося накануне интервенции образа Антанты и США. Отмечается, что в этот период формировалась ключевая ценностная установка антибольшевицких сил – необходимость сплочения общества и создания твердой власти.

Ключевые слова: Антанта, Великобритания, США, Франция, Япония, образ Другого, интервенция, периодическая печать, Сибирь, Дальний Восток, Гражданская война в России

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

Для цитирования: Конев К.А. В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевицкой периодической печати востока России в ноябре 1917 – августе 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 14–23. doi: 10.17223/15617793/476/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/2

In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917 – August 1918

Kirill A. Konev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kk.tsu@yandex.ru, konev-k-92@rambler.ru*

Abstract. Under the conditions of society's movement towards a civil war at the end of 1917 – the first half of 1918, the images of “Others” (allies or opponents) acted as meaningful elements of the constructed identities of its potential participants and influenced the ideas they put forward. An analysis of the formation of the image of the UK, France, Japan and the USA in the non-Soviet periodical press of the East of Russia in the period from the end of 1917 to the summer of 1918 reveals the peculiarities of the foreign policy context's influence on public sentiment and the content of propaganda discourses of political opponents of the Bolsheviks. The aim of this work is to determine the content of the image of the Allies, constructed in the periodical press of the East of Russia, and to identify its influence on the ideological aspect of the formation of the anti-Bolshevik movement at this stage. The main source for the study were non-Soviet newspapers and magazines – party, cooperative and private publications published in the Urals, Siberia and the Far East in the period from November 1917 until August 1918. The author comes to the conclusion that the image of the Entente countries and the United States, which was formed in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia at that time, was distinguished by the duality of content. The change in value judgments, which were elements of this image, depended on a number of factors – the incoming information about the policies of the allied countries and the course of the World War, the perception of the external and internal political actions of the Bolsheviks, the peculiarities of the functioning of the information field itself. According to socialists (Social Democrats and Socialist-Revolutionaries), the “imperialistic” Entente and the United States were no longer allies and helpers of Russia, which was sometimes expressed in the using of the term “former allies”. The analysis of the vicissitudes of international relations from the point of view of the class approach seriously forced the Siberian “revolutionary democracy” to fear an invasion from the East, which undoubtedly promoted to the formation of an opinion about the allies as a threat in the relevant publications. Liberals, in particular, the publications of constructive democrats, did not agree with their opponents from the left and viewed allies more as a potential helper, although they expressed concerns about the consequences of a possible intervention. At the same time, the key value-based attitude of the anti-Bolshevik forces was also being formed – the necessity of rallying society and creating a firm government capable of starting the revival of the country. Both socialists and liberals persistently sought to root in the minds of readers the idea that the unity of

the whole society around the Constituent Assembly would create a new government – more effective than the Soviet one, thereby ensuring peace and avoiding the intervention of the Entente and the United States.

Keywords: Entente, UK, USA, France, Japan, image of Other, intervention, periodicals, Siberia, Far East, Civil War in Russia

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 20-78-00094).

For citation: Konev, K.A. (2022) In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917 – August 1918. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 14–23 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/2

В конце бурного 1917 г. на страницах томской газеты «Знамя революции» появились размышления о будущем. «Война будет беспощадная, – мировая война – детская забава перед грозной борьбой двух титанов», – так представлялся наступающий 1918 г. Борьба «мира страждущих» и «господина капитала» рассматривалась как неизбежность с закономерным итогом – гибелью «капитала» и его «приспешников» [1]. Предзнаменование советской газеты во многом сбылось. В наступившем году, первые месяцы которого на востоке России характеризовались развитием двух тенденций – установлением власти большевиков над Советами, а также консолидацией антибольшевистских сил [2. С. 142], перспектива гражданской войны вырисовывалась все отчетливее. Важную роль в этом способен был сыграть и внешнеполитический фактор.

Стремление советского правительства вывести Россию из мировой войны и нацеленность большевиков на разжигание мировой революции не могли не беспокоить руководство стран Антанты и США, побуждая их к активным действиям в отношении России. Политика союзников, в свою очередь, приковывала к себе внимание всех политических группировок в стране. Последствия заключения сепаратного мира с центральными державами обсуждались в обществе и на страницах газет, где также публиковались сведения о возможном вмешательстве Антанты в российские события. В условиях постепенного движения общества к гражданской войне, образы «Других» (союзники или противники) выступали содержательными элементами конструируемых идентичностей и картин мира ее потенциальных участников, также оказывая влияние на выдвигаемые ими идеи и реализуемые дискурсивные приемы и стратегии.

К реконструкции и анализу образов стран Антанты и США неоднократно обращались как автор данной публикации, так и другие исследователи. О.С. Поршнева в ряде статей и совместной с А.В. Голубевым монографии рассмотрела образ союзников в период Первой мировой войны и в 1917 г. [3]. Как отмечает исследовательница, к концу 1917 г. в сознании широких слоев населения укоренилось мнение, что союзники стремятся использовать Россию и ее народ лишь для собственной выгоды [4. С. 50]. В работах М.М. Стельмака реконструируется содержание образа союзников в официальной и неправительственной периодической печати в период существования на востоке страны антибольшевистских правительств [5]. В меньшей степени исследователи обращались к изучению образа союзников и анализу его влияния на

выдвигаемые противниками большевиков идеи в период с конца 1917 г. по август 1918 г.

Вместе с тем работа с материалами обозначенного времени дает возможность для определения предпосылок восприятия союзников, вмешавшихся в ход Гражданской войны в России. Немаловажной представляется необходимость анализа влияния внешнеполитического контекста на формирование идеологии, складывавшихся в среде противников большевиков накануне свержения советской власти на территории востока России, ставшей впоследствии важным плацдармом для создания антибольшевистских правительств. Цель данной работы – определить содержание образа союзников, конструируемого в периодической печати востока России в период с конца 1917 г. по лето 1918 г., и выявить его влияние на идеологический аспект формирования антибольшевистского движения на данном этапе.

Основным источником для исследования выступили несоветские газеты и журналы – партийные, кооперативные и частные издания, выходившие на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока с ноября 1917 г. и вплоть до выступления Чехословацкого корпуса и установления антибольшевистских органов власти. Также источником послужили воспоминания очевидцев и участников рассматриваемых событий, охватывающие данный период. Согласно подсчетам Е.Н. Косых, в период с ноября 1917 г. по май 1918 г. количество периодических изданий в Сибири (без учета Дальнего Востока) сокращалось – с 95 наименований до 60. Причем количество большевистских газет увеличилось с 10 до 28. Сокращалось и общее количество журналов – с 29 до 20 [6. С. 102–103]. Таким образом, в данный период доля небольшевистских изданий в информационном пространстве неуклонно снижалась вследствие закрытия и запрещения советскими властями. Тем не менее, пусть и не полностью сохранившиеся в Научной библиотеке ТГУ, Государственном архиве РФ и Российской государственной библиотеке источники, относящиеся к представляющему интерес отрезку времени, позволяют подойти к решению обозначенной задачи.

На пути к Бресту. Взяв курс на выход из мировой войны, большевики активно формировали негативный образ бывших союзников, не делая различий между двумя блоками, одинаково преследовавшими, по их мнению, «грабительские, хищнические» цели [7]. Представители других партий и местных органов власти, однако, продолжали высказываться за необходимость сохранения союзнических обязательств перед

Антантой. Еще в конце 1917 г. красноярские кадеты предостерегали – Сибирь беззащитна перед союзниками, которые могут захотеть «наказать» русских за выход из коалиции и смогут зайти сколь угодно далеко, чтобы «захватом территории гарантировать данные России деньги» [8]. Собравшееся впервые в конце ноября 1917 г. амурское земское собрание под председательством меньшевика И.Н. Шишлова заявило о верности Амурской области «старым русским союзникам» [9]. Съезд сибирских кооператоров, прошедший 25–28 ноября в Новониколаевске, также выразил опасения в связи с сепаратными переговорами, указав на то, что такой мир либо поставит страну перед лицом новой «ужасной войны», либо приведет к заключению всеобщего мира «за счет экономического и политического закрепощения России» [10]. В конце 1917 г. начали появляться и первые противоречивые сообщения о возможных действиях союзных стран в отношении России. Томская «Сибирская жизнь» сообщала, например, о появлении японских военных кораблей и офицеров во Владивостоке и вводе китайских войск в Харбин [11]. Публиковались и телеграммы об обсуждении в японской печати «анархии», развивающейся в России [12].

Опасения, звучавшие в русских изданиях, подтвердились, когда 12 января 1918 г. (30 декабря по старому стилю) в порт Владивостока прибыл японский крейсер «Ивами». Вскоре вслед за ним появились британский и американский военные корабли, что стало первым открытым шагом союзников на пути к интервенции. В ноте японского генерального консула председателю Приморской областной земской управы указывалось на то, что японское правительство «не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России», а приход корабля вызван необходимостью защиты подданных [13. С. 66]. Управа, выразив протест, заявляла о том, что региональные власти способны поддерживать порядок и безопасность, а появляющиеся в зарубежной и русской печати слухи об оккупации союзниками Владивостока волновали население и не способствовали сближению русского и японского народов [13. С. 67]. По городу также прошли митинги протеста с участием большевиков [14. С. 71].

Местные газеты крайне неоднозначно восприняли приход кораблей. Заявляя о недопустимости вмешательства иностранцев в «наш спор», журналист «Далекой окраины» подчеркивал: «...и центр тяжести обиды не в том, что корабль появился без спроса и даже не в удивительной ноте, объяснявшей этот приход, а в ужасающем несоответствии того и другого великим историческим дням нашей страны» [15]. Эсеры и социал-демократы, оценивая внешнеполитические проблемы через призму классового подхода, рассматривали действия союзников как посягательство иностранных капиталистов на ресурсы и рынки востока России. Обращаясь к населению с призывом выступить на защиту Учредительного собрания, томские эсеры подчеркивали, что отсутствие всеми признанной власти и сохранение правительства большевиков являлись причинами «ужасного» внутреннего и

внешнего положения России. Прибытие кораблей союзников и вмешательство китайцев во внутренние дела страны, свидетельствовали о том, что в «погоне за рынками иностранная буржуазия начинает теснить нас и захватывать наши земли, как с Запада, так и с Востока» [16]. Аналогично высказывалась и Томская земская управа, на страницах официального органа которой союзники были охарактеризованы как «хищники», покушающиеся на богатства Сибири [17]. Со схожей риторикой обращались к населению и члены Временного сибирского областного совета: «...союзниками в ответ на большевистскую власть и борьбу ее с Учредительным Собранием сделан первый шаг к занятию Сибири». Для обеспечения безопасности востока страны и восстановления прерванного снабжения Совет призывал ликвидировать власть большевиков и передать ее Областной думе [18].

Волнующие население публикации о беспорядках на Дальнем Востоке и как следствие – вмешательстве союзников, продолжали циркулировать в сибирской прессе и разносились молвой. Так, сообщение газеты «Алтай» об иркутских боях сопровождалось информацией о намерениях японских и китайских властей принять особые меры для охраны интересов иностранных подданных, распространив свое влияние на Дальний Восток [19]. Житель Красноярска штабс-капитан В.В. Зверев 17 января в своем дневнике отмечал: «Говорят, что большевики разбиты под Иркутском. Семёнов идет на Красноярск, а за ним следом – союзники» [20. С. 160]. В конце января ряд изданий поместили на своих страницах заметки о том, что союзники собирались потребовать вывода русских войск из Владивостока и возможном открытии портофранко. Сообщалось также о вероятной отправке японских и китайских войск против Германии, для чего Япония и США могли взять под контроль Транссиб, причем Япония в рамках компенсации претендовала на Уссурийский край [21]. Обилие слухов связывалось авторами газетных статей с «жаждой порядка» у обывателя. «То водворяет порядок вездесущий Каледин, то его насаждают,двигающиеся с востока союзные войска, то вот, вот должен быть избран в президенты республики Алексей Романов», – отмечалось в красноярском меньшевистском издании, указывавшем, что спасение лишь в «здоровом инстинкте» сознательного пролетариата [22].

Если в начале января японское правительство опровергало информацию о вводе войск во Владивосток, подчеркивая, что возможность высадки десанта исключена [23], то последующие телеграммы указывали на ведущую роль Японии в возможной интервенции. Согласно заявлению премьера, Япония, считавшая себя ответственной за сохранение мира на Дальнем Востоке, была готова принять необходимые меры для поддержания порядка в регионе и в случае угрозы собственным интересам [24]. При этом японская печать во Владивостоке сообщала о «воровстве, разбое, всеобщей забастовке, прекращении торговли, недостатке съестных припасов» [25], намекая на необходимость высадки иностранных вооруженных отрядов. О необходимости поддержания правопорядка

ка и безопасности в городе писала и местная русская пресса, указывавшая на то, что промедление при решении данной проблемы грозило нежелательным вмешательством иностранцев [26].

Рост анархии и появление очагов гражданской войны, создававшие угрозу жизни и благосостоянию иностранных граждан в России, не были единственной причиной для возможного вмешательства союзников. Более весомым поводом выступало вероятное усиление Германии за счет России вследствие заключения мира между советским правительством и Центральными державами. Особую остроту приобретал также вопрос о германских военнопленных в Сибири. В дальневосточных газетах со ссылкой на зарубежные источники печатались сведения о разгуливающих на свободе германских военнопленных. Кроме того, по сведениям из газет, большевики использовали их в боях против своих противников. Так, в описании столкновения в Иркутске упоминался захваченный в большевистском штабе командный состав – германцы и австрийцы [27]. «Земская газета» в Томске сообщала о вовсе парадоксальной ситуации – вследствие демобилизации солдат гарнизона в Чите службу по охране местных цейхгаузов и обслуживанию военных госпиталей и штабов стали нести военнопленные [28].

Характеризуя японское общественное мнение, сотрудник владивостокской «Далекой окраины» К. Польшов отмечал, что «Япония до крайности опасается германских интриг и возобновления на Дальнем Востоке германской завоевательной работы» [29]. Как указывалось в благовещенском «Амурском эхе», со страниц японских газет не сходили сообщения о том, что «немцы открывают против Дальнего Востока и Японии громадную кампанию», используя для этого шпионов и пленных, центром деятельности которых являлся Иркутск. На основании этого делался неутешительный вывод: «тревога японцев насчет германских шпионов может иметь нехорошие последствия для нас» [30].

В конечном итоге, для подтверждения или опровержения слухов о вооруженных пленных в Сибирь была послана специальная миссия, о чем сообщила как советская, так и небольшевистская печать [31]. Союзные представители – капитан Хикс (Великобритания), капитан Уэбстер и майор Дрисдэйл (США) в итоге пришли к выводу, что слухи о немецком фронте в Сибири «были лишь формой пропаганды, направленной к тому, чтобы повлиять на США в вопросе о военных мероприятиях» [32. С. 21]. При этом Госдепартамент США и его глава Р. Лансинг подталкивали консулов в Сибири к поиску «немецкой опасности» и скрывали информацию, рисующую иную картину [33. С. 54].

«Плохой мир» и «бывшие союзники». Подписание мира с Германией в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. интерпретировалось противниками большевиков как окончательное подтверждение «измены» и сотрудничества ленинцев с немцами. По мнению министра в правительстве А.В. Колчака Г.К. Гинса, «разложение армии и Брестский мир казались русской интеллигенции таким предательством, что она почти

целиком, даже с левыми эсерами, отшатнулась от советской власти и отдала себя в распоряжение тем, кто подготавливал борьбу с большевиками» [34. С. 57–58]. В то время как большевики говорили о том, что «у нас будет плохой мир, но хорошие советы», а передышка позволит русскому и зарубежному пролетариату воспользоваться «грызней» империалистов [35], печать других политических группировок высказывала неутешительные прогнозы.

«Революционная демократия» в своих изданиях выражала мнение о том, что заключение сепаратного мира способно превратить восток России в арену противостояния двух империалистических блоков. Алтайские социал-демократы отмечая, что «Россия при всем своем стремлении к военному нейтралитету, оказывается самым верным союзником Германии», называли вполне вероятной оккупацию Сибири Японией, Америкой и Китаем вследствие стремления союзников не допустить усиления центральных держав и неспособности России защищать свои рубежи [36]. Через «оптику» классового подхода социалисты одинаково рассматривали германцев и бывших союзников по Антанте в качестве реальной угрозы как для суверенитета и целостности России, так и для «завоеваний революции». «В железное кольцо взята страна, в железное кольцо взята революция», – характеризовала ситуацию эсеровская газета, призывавшая к поддержке Учредительного собрания, прекращению гражданской войны и созданию единого демократического фронта для защиты «родины Великой Революции» от «хищных птиц империализма», к которым были отнесены и немцы, и союзники [37].

Несоциалистические издания, которые еще не были закрыты большевиками, сдержаннее и с большей долей симпатии относились к союзным державам. Редакция «Томского церковно-общественного вестника» полагала, что в результате сепаратного мира, Россия наложила на себя «несмываемое пятно национального позора» не только перед крупными союзными державами, которые отныне не станут церемониться с Россией, но и перед малыми «единопленными» странами: Сербией Черногорией, Румынией и Грецией [38]. Грандиозное наступление немецких войск на западном фронте мировой войны, начавшееся в марте 1918 г., расценивалось как битва, в которой решалась судьба мира, культуры, свободы народов, а также России. Сотрудник «Голоса Приморья» Новиков-Сибирский связывал возможность возрождения страны с успехами союзников: «...если германцы будут отражены, для России останется еще надежда остаться независимым государством, которое будет восстановлено союзниками» [39]. Вместе с тем чуть ранее данный автор полагал, что вмешательство союзников могло затянуть процесс восстановления и «оздоровления» России, а значит, являлось нежелательным [40].

Ожидания интервенции тем временем усиливались, чему способствовал соответствующий информационный фон. Опубликованные, например, в «Омском вестнике» отголоски сообщений с Дальнего Востока о действиях Г.М. Семенова, общественных

настроениях в Приморье, публикациях японской печати подытоживались заключением: «...трудно составить определённое мнение о дальневосточной опасности, но угроза непрошеного вмешательства чужих штыков несомненна» [41]. Разумеется, ключевая роль в вероятном вторжении отводилась Японии, выступление которой мыслилось как «неизбежное», «внезапное» и «ошеломляющее» [42].

Однако в самой Японии общественное мнение и политики не пришли к единодушному мнению по вопросу об интервенции, о чем сообщал корреспондент «Далекой окраины» К. Полюнов, считавший при этом, что пресловутая «германская угроза» в Сибири не могла быть существенной причиной для активных действий японцев в силу скованности Германии боями в Европе [43]. Находившийся в марте 1918 г. в Японии барон А.П. Будберг отмечал наличие разногласий между союзниками относительно интервенции, непонимание иностранцами ситуации в России и нежелание японцев «ради других таскать горячие каштаны из большевистской печки» [44. С. 284].

Единственным средством избежать оккупации и раздела России авторы публикаций небольшевистской прессы видели в объединении общественности. В апреле 1918 г. ряд газет опубликовал обращение Г.Н. Потанина к сибирякам от 13(26) марта, в котором степень угрозы от союзников, готовых выступить на востоке страны, ставилась в зависимость от степени сплоченности общества перед лицом внешних сил. «Будет совершенно естественно, если идущие с востока союзники, встретив в нас безгласную массу, решат нашу судьбу, преследуя только свои личные выгоды», – говорил областник, призывая всех к единению на почве интересов Сибири [45].

Выступление Г.Н. Потанина не прошло незамеченным. Редакция «Омского вестника», оценив патриотизм «последнего из могикан сибирского идейного прошлого», посчитала его обращенным в пустоту, поскольку то «сибирское общество», к которому он обращался, было растворено в массе пришлых элементов, появившихся на востоке страны в результате войны и революции [46]. Постоянный автор «Голоса Приморья» Новиков-Сибирский считал, что возможность объединения политических группировок на востоке России для борьбы с большевизмом и встречи «восточной опасности» зависела от способности и готовности социалистов трансформировать свою классовую тактику в «тактику национально-государственную» ради компромисса с другими политическими силами [47]. Таким образом, в ходе обсуждения проблемы возможного вторжения союзных войск под тем или иным предлогом в прессе актуализировалась тема объединения небольшевистских политических сил и общества в целом, приобретающая все большее значение по мере того, как росло недоверие советским правительством.

5–6 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились отряды британских и японских морских пехотинцев, что стало ответной мерой в связи с убийством в городе японских подданных. Командующий японской эс-

кадрой адмирал Х. Като обосновывал ввод войск необходимостью защиты жизни и имущества японцев, живших в Приморье, заявив также о невмешательстве в дела России [48]. Рекомендации о невмешательстве из своего МИДа получал японский консул во Владивостоке Кикучи [14. С. 169]. Тем не менее регион вновь стал наполняться всевозможными слухами и опасениями относительно действий союзников. Редакция либерального «Голоса Приморья» обвинила в произошедшем социалистов из городской думы и «их друзей» «из совдепа и красной гвардии», допустивших беспорядки, насилия и убийства в городе [49]. Несколько дней спустя на страницах газеты появился призыв к ликвидации советов и формированию новой власти на базе земства и переизбранного городского самоуправления, которая и должна была определить свое отношение к союзникам. Вопрос о возвращении утраченного суверенитета ставился в зависимость от решения проблемы власти в крае – «или единая власть, или крушение в государственные небытие» [50].

Газета «Далекая окраина», протестуя против вмешательства союзников, называла день десанта «днем национального горя». При этом призыв передать власть от совета земству соседствовал со словами о том, что «моментом слабости и нашей внутренней неустроенности желает воспользоваться третий, чтобы урвать “кусочек”, чтобы приспособить нас своим жадным аппетитам», отражавшими настороженное отношение к появившимся иностранным войскам [51]. Собственный корреспондент хабаровской газеты «Приамурская жизнь», характеризующий общественные настроения Владивостока в дни десанта, отмечал, что большинство горожан отнеслись к появлению союзников индифферентно, люди «успели приглядеться к иностранным штыкам». Апатичность соседствовала с разобщенностью, тревогой и тягой к слухам: «...вдумчивого отношения к свершившемуся факту, умения разобраться в положении не встретишь...», – подчеркивал автор [52].

Откликнулись на событие и сибирские газеты. Алтайские меньшевики призывали к прекращению террора, гражданской войны и воссозданию «единого революционного фронта» для защиты Сибири от иностранных империалистов [53]. Накануне получения в Сибири телеграмм о десанте в печати также появилась статья Г. Эрлиха, в которой предсказывалось вероятное соглашение германцев и союзников о разделе России, осуществлением чего и могла стать японская экспедиция. «Утолив, таким образом, свой “колониальный” голод, мировые хищники смогут вслед за тем приступить к “замирению” на почве взаимного прощения», – полагал автор [54].

Десант, однако, оказался лишь репетицией масштабного вторжения стран Антанты и США на Дальний Восток. В то время как переговоры между союзными дипломатами и политиками продолжались, сибирская и дальневосточная пресса продолжала публиковать отрывочные и противоречивые сведения о политике держав в отношении России, а авторы статей и партийные идеологи – предугады-

вать дальнейшие шаги иностранцев. Так, сообщения о достижении союзниками согласия относительно японского вмешательства [55] могли появляться наряду с публикациями о наличии разногласий относительно интервенции в самой Японии [56]. В данном контексте внимание журналистов привлекала тема японо-американских противоречий. По мнению некоторых авторов, соперничество Токио и Вашингтона за доминирование в Тихоокеанском регионе могло принести ослабленной России некоторые выгоды. На страницах «Приамурской жизни», например, выражались надежды на помощь со стороны США, которые, стремясь не допустить усиления Японии, окажут поддержку России [57].

Май 1918 г. социалистическая пресса востока России встречала публикациями об интригах и «авантюрах» на Дальнем Востоке, союзнических переговорах об интервенции и критикой большевиков. Всесибирский краевой комитет партии эсеров в обращении к «революционной демократии» связывал воедино идеи автономной Сибири, Учредительного Собрания и антиимпериалистические призывы. Обвиняя большевиков в предательстве и неспособности защитить Россию от империалистов, эсеры видели спасение Сибири от вторжения иностранных войск с востока в ликвидации большевистского правительства, отказе от брестского договора и формировании «из недр народа вышедшей, однородной социалистической областной власти» [58].

Освещение нового витка борьбы с Г.М. Семеновым алтайские меньшевики сопроводили призывом к его «разоблачению». Характеризуя есаула как «японского башибузука», Ю. Вайнберг считал, что его выступление, несомненно, выгодно «империалистам», «потому что не сегодня-завтра японский генерал придет, как судья между большевиками и Семеновым». Выгодным оно считалось и большевикам, поскольку позволяло «разжигать страсти в Сибири призраком гражданской войны, которой, в самом деле, нет» [59]. Как и эсеры, меньшевики в данном случае призывали «демократию» к самоорганизации и единству.

«Освобождение Сибири» и интервенция. В конце мая–июне 1918 г. в ходе вооруженного выступления Чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья произошло свержение советской власти на востоке России. Возобновился выпуск ранее закрытых газет – социалистических и кадетских. В Западной Сибири властные полномочия взяло на себя правительство, созданное в январе 1918 г. делегатами Сибирской областной думы [2. С. 206; 60]. Создание новых антибольшевистских органов власти привело также к формированию еще одного дискурса, в рамках которого происходило конструирование образа стран Антанты и США. В декларации, адресованной населению, Западно-Сибирский комисариат одной из своих задач называл «предотвращение вторжения в Сибирь с востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами» [61. С. 57]. Внешнеполитическая линия новоявленного органа власти практически совпадала с резолюцией по меж-

дународной политике, обозначенной на VIII Совете эсеро-партии, прошедшем 20–27 мая в Москве. В ней указывалось на необходимость ликвидации власти большевиков и создания правительства, опирающегося на Учредительное собрание, которое, в свою очередь, и примет помощь союзников для продолжения войны с Германией в том случае, если союзники гарантировали бы невмешательство во внутренние политические вопросы и территориальную целостность России, а также осуществляли операцию совместными усилиями [62].

Формировавшийся на востоке России фронт борьбы с большевиками на страницах газет превращался в возрожденный восточный фронт, а Чехословацкий корпус – в авангард Антанты, вмешательство которой переставало расцениваться как покушение «империалистов». Так, телеграмма французского посольства чехословакам с объявлением благодарности за восстановление фронта против «врагов права и справедливости», т.е. немцев, была проинтерпретирована кадетской печатью как выражение воли Франции «не покидать гибнущую Россию, уже посиневшую в германо-советской петле» [63]. Профессор И.И. Аносов в «Сибирской жизни» отмечал, что для скорейшего окончания войны, России придется искать помощи союзников [64]. Красноярские кадеты, обосновывая необходимость возобновления дружественных взаимоотношений с Антантой, высказывали идею, которая в той или иной форме впоследствии неоднократно появлялась в печати. По мнению кадета Н. Лаврова, ради недопущения гегемонии Германии за счет российских ресурсов и территорий союзники продолжали вести борьбу с ней, а значит, сражались и за Россию [65]. Желание видеть Россию возрожденной, приписываемое союзникам, являлось, по сути, переосмыслением стереотипа о расчетливых иностранцах, стремившихся использовать русских. Однако этот стереотип теперь использовался в ходе конструирования позитивного образа Антанты и США.

Социалисты, соглашаясь с необходимостью помощи извне, призывали к укреплению власти и возрождению вооруженных сил. Редакция издания Акмолинского губернского комитета партии эсеров полагала, что «несравненно лучше было бы, если бы русский народ мог самостоятельно, без помощи иностранных штыков отстаивать свою независимость, т.к. за помощь могут потребовать компенсаций». Но признавая, что шансов на самостоятельную борьбу с большевиками и немцами нет, эсеры, во избежание вмешательства союзников, считали необходимым создать единую власть и боеспособную армию [66]. Похожим образом рассуждали и красноярские меньшевики, вспомнив также и об интересах союзников. «Для Франции и Англии чрезвычайно важно создать из России мощное государство, которое бы могло до известной степени обезопасить их от Германии в будущем», – указывалось в газете «Дело рабочего». Америке приписывалась заинтересованность в России как в рынке сбыта, а «наиболее опасная» японская угроза считалась компенсированной захватами Японии в Китае [67]. Таким образом, рассуждения об ин-

тервенции как в кадетской, так и социалистической прессе затрагивали зачастую внутренние проблемы страны – о власти и возможном продолжении войны. Однако суждения различных группировок о будущей власти отличались. Представления о союзниках как о потенциально опасном Другом, возможном оккупанте, сложившиеся в первой половине года, постепенно превращались в образ помощника в общей борьбе.

Несмотря на негативное отношение к Брестскому договору, выражавшееся на страницах небольшевистских газет востока России, Временное Сибирское правительство до августа 1918 г. не давало однозначной оценки данному событию. Как отмечал премьер-министр П.В. Вологодский, объяснялось это желанием правительства выждать определенных последствий этого мира, но вызывало лишь недоумение представителей держав и чехов [68. С. 70]. В декларации от 6 августа 1918 г. Временное Сибирское Правительство заявляло о непризнании Брестского мирного договора в контексте объявления военного призыва, необходимого для создания армии и возрождения государства [69. С. 254]. Затем 10 августа в обращении к союзным державам правительство вновь подчеркнуло, что не признает мира в Бресте, заявив об обязательности для Сибири и других частей России всех договоров и обязательств перед союзниками и что «во имя общероссийских и союзных интересов Сибирская армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе» [69. С. 275]. Тем самым правительство легитимизовало присутствие иностранных войск на территории России, также стремясь установить со странами Антанты и США коммуникацию в статусе равного партнера по общей борьбе и выразителя интересов всей страны.

К этому времени войска союзников уже находились в Мурманске. А в начале августа британские, американские, французские и японские силы были высажены на Дальнем Востоке, что сопровождалось выпуском официальных деклараций от командования и заявлениями дипломатов, в которых подчеркивалось стремление союзников к «невмешательству» и сохранению целостности России [14. С. 264–265]. Интервенция для борьбы с «германо-большевиками», о которой неоднократно писала печать востока России, началась.

Таким образом, образ стран Антанты и США, формировавшийся на протяжении периода с ноября 1917 г. по лето 1918 г. в небольшевистской периодической печати востока России, отличался двойственностью содержания. Изменение оценочных суждений, бывших элементами данного образа, зависело от ряда факторов – поступавшей информации о политике союзных стран и ходе мировой войны, восприятия внешне- и внутривнутриполитических действий большевиков, особенностей функционирования самого информационного поля.

Газеты, выражавшие интересы меньшевиков, эсеров и других социалистических группировок, представляли читателям взгляд на Антанту и США через призму классового подхода, в рамках которого данные государства рассматривались как «империали-

стические». Воспринимаясь уже как «бывшие союзники», вследствие сепаратного выхода России из войны, по мнению «революционной демократии», Британия, Франция, США и Япония могли представлять для ослабленной России не меньшую угрозу, чем центральные державы. Следовательно, их превращение из соратников по войне в Другого, представляющего угрозу, обуславливалось как идеологическими, определявшими картину мира социалистических партий, так и непосредственно политическими и военными событиями и их подачей в печати. Кроме того, презентация союзных стран в качестве потенциальной «империалистической» опасности позволяла «революционной демократии» выстраивать негативный образ большевиков как виновников внешнеполитической изоляции России, а также спланировать своих сторонников перед лицом внешней угрозы. Тем не менее «бывшие союзники» не стали для социалистов однозначно враждебным Другим, что позволило летом 1918 г. скорректировать риторику и приступить к формированию образа Антанты и США как помощника антибольшевистского движения. Начав борьбу против советского правительства под лозунгом возрождения «восточного фронта», социалисты неизбежно вступали на путь союзнической ориентации и вставали перед необходимостью обоснования интервенции.

«Буржуазные», либеральные издания в конце 1917 г., писавшие о необходимости верности России союзническому делу, были более лояльны к Антанте и США. Избегая сугубо классовую трактовку мировой войны, они рассматривали ее как столкновение политических систем, наций и культур, считая, что и воссоздание России должно происходить на национально-государственной основе с оглядкой на Западные державы. Не выражая согласия с трактовками своих оппонентов слева, кадетские и другие несоциалистические издания острее реагировали на выход России из войны, считая его предательством, и не исключали помощи извне для достижения победы над «германо-большевиками». Впрочем, даже рассматривая союзников в роли помощников антибольшевистских сил, либералы также могли отмечать и потенциальные опасности, связанные с возможным хозяйничаньем в стране интервентов. Следует отметить, что «буржуазные» издания в большей степени подвергались преследованиям со стороны советских властей, большинство из них к весне 1918 г., за исключением отдельных газет и дальневосточной печати, были закрыты, что ограничивало возможности по ретрансляции более позитивного образа союзных стран в противовес социалистам. Лишь с началом активной борьбы с большевиками летом 1918 г. и возобновлением выпуска ряда кадетских газет в информационном поле стал распространяться образ «доблестных союзников», идущих на помощь России.

В едином контексте с конструированием образа Антанты и США формировалась и одна из основных ценностных установок антибольшевистских сил – необходимость объединения общественности и создание единой, твердой и признаваемой всеми власти, нацеленной на воссоздание страны. Как либералы, так

и социалисты противопоставляли советскому правительству Учредительное собрание, рассматривая его как институт, способный сформировать новую власть и обеспечить настоящий мир, избежав при этом вмешательства иностранных государств или минимизировав его риски. Хотя различные группировки в составе антибольшевистского движения представляли себе будущую власть по-разному, сама идея «пробуждения» и объединения общества на почве борьбы с большевиками и возрождения государственности прочно вошла в содержание газетной риторики.

Косвенно пресса дает представление об отношении населения к союзным державам в первой половине 1918 г. Первые контакты с иностранцами в

Приморье в январе и апреле затрагивали лишь ограниченную часть общества. В силу этого образ союзников в сознании большинства обывателей востока России формировался исходя из различных противоречивых и зачастую не вполне достоверных сведений, в основном поставляемых прессой. Газетные сообщения и источники личного происхождения свидетельствуют, с одной стороны, об индифферентном отношении общества к возможной угрозе, с другой – о склонности к различным слухам, культивации страхов и опасений, связанных с интервенцией, сочетавшихся с «тоской» по порядку, олицетворением которого для некоторых могли стать и иностранные штыки.

Список источников

1. Буренин В.К. Грядущий год // Знамя революции. Томск. 1918. 25 декабря.
2. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
3. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.
4. Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
5. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
6. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): указатель газет и журналов. Томск : Ветер, 2009. 144 с.
7. Вопросы войны и мира // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов. Пермь. 1918. 20(7) февраля.
8. Переговоры о мире // Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 19 ноября.
9. Местная хроника // Амурское эхо. Благовещенск. 1917. 21 ноября (4 декабря).
10. Кооперация и текущий момент // Жизнь Алтая. Барнаул. 1917. 6 декабря.
11. Последние известия // Сибирская жизнь. Томск. 1917. 20 декабря.
12. Россия и Япония // Амурское эхо. Благовещенск. 1917. 22 декабря (4 января).
13. Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922): сб. докл. / сост. Л.И. Великова, П.К. Волгин. Владивосток : Приморское книж. изд-во, 1955. 831 с.
14. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): документы и материалы / ред. В.Л. Ларин и др. Владивосток, 1997. 304 с.
15. Стыд за чужих // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 17 (4) января.
16. Солдаты, Рабочие, Крестьяне и все Граждане! // Путь народа. Томск. 1918. 14 января.
17. Денисов В. Угроза самостоятельности России // Земская газета. Томск. 1918. 14 января.
18. К гражданам Сибири! // Известия Временного Сибирского областного Совета. Томск. 1918. 18 января.
19. Иркутск // Алтай. Бийск. 1918. 3(16) января.
20. Зверев В. «Город ожил, совет бежал, появилась новая власть...». Выписки из дневника // Сибирские огни. 2016. № 9. С. 155–179.
21. Угроза с востока // Дело Алтая. Барнаул. 1918. 26 января.
22. Казакова А. На перевале // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 22 января.
23. Японское правительство о десанте во Владивостоке // Свободный край. Иркутск. 1918. 16 января.
24. Япония готова выступить на Дальнем Востоке // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 13 (26) января.
25. Точка над і // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 28 января (10 февраля).
26. Безопасность в городе // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 26 января (8 февраля).
27. Кровавые дни в Иркутске // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 4 января.
28. Из газет // Земская газета. Томск. 1918. 21 (8) февраля.
29. Польшов К. Японцы // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 1 февраля (19 января).
30. Россия и Япония // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 17 февраля.
31. Американская миссия // Омский вестник. Омск. 1918. 21 (8) марта
32. Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). М. : Воениз, 1932. 248 с.
33. Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
34. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин : Общество Возрождения, 1921. Ч. 1. 327 с.
35. Вынужденный шаг // Сибирская рабоче-крестьянская газета. Иркутск. 1918. 23 февраля (8 марта).
36. Мир ли? // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 19 (6) марта.
37. Омск, 3 марта // Дело Сибири. Омск. 1918. 3 марта.
38. Мир заключен // Томский церковно-общественный вестник. Томск. № 12. 4 апреля (22 марта). С. 2.
39. Новиков-Сибирский. Великое наступление // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 15 (28) марта.
40. Мы и союзники // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 10 (23) марта.
41. Дальневосточные события // Омский вестник. Омск. 1918. 28(15) марта.
42. Омск, 31 (18) марта // Омский вестник. Омск. 1918. 31(18) марта.
43. Польшов К. Японцы // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 19 (6) марта.
44. Будберг А.П. Дневник барона А.П. Будберга // Архив русской революции : в 18 т. Берлин, 1923. Т. 12. С. 197–290.
45. Потанин Г.Н. К населению Сибири (Опубликовано в приложении) // Сибирская земская деревня. Тобольск. 1918. № 7. 17(30) апреля.
46. Омск, 17 (4) апреля // Омский вестник. Омск. 1918. 17 (4) апреля.

47. Временное сибирское правительств и иностранная помощь // Голос Приморья. 1918. 1 (14) апреля.
48. Высадка иностранного десанта // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 6 апреля.
49. Начало конца // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 24 марта (6 апреля).
50. Десант // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 27 марта (9 апреля).
51. Десант и наши задачи // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 7 апреля (25 марта).
52. Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 10 апреля (28 марта).
53. Николаев В. Перед лицом нового нашествия // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 9 апреля (27 марта).
54. Эрлих Г. На Дальнем Востоке // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 8 апреля (26 марта).
55. Разные вести. Японское вмешательство // Призыв. Харбин. 1918. 8 апреля.
56. Телеграммы // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 3 (16) апреля.
57. Хабаровск, 6 апреля // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 6 апреля (24 марта).
58. Ко всей революционной демократии Сибири // Многострадальный путь народа. Томск. 1918. 1 мая.
59. Вайнберг Ю. Японский башкибузук // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 11 мая (26 апреля).
60. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 103–119.
61. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. док. и материалов / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : НГУ, 2005. 246 с.
62. Восьмой совет партии Соц.-Революционеров // Голос народа. Томск. 1918. 4 июня.
63. Великая новость // Сибирская речь. Омск. 1918. 29 июня.
64. Перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 20 июня.
65. Святой долг // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 23 (10) июня.
66. Омск, 29 июня // Дело Сибири. Омск. 1918. 29 июня.
67. К вопросу о военной помощи союзников // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 28 июля.
68. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань : Частн. изд-во П.А. Трибунского, 2006. 619 с.
69. Временное Сибирское правительств (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / В.И. Шишкин. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 818 с.

References

1. Burenin, V.K. (1918) Gryadushchiy god [The year to come]. *Znanya revolyutsii*. 25 December.
2. Shilovskiy, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political Processes in Siberia During the Period of Social Cataclysms of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
3. Golubev, A.V. & Porsheva, O.S. (2011) Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn [The Image of an Ally in the Consciousness of Russian Society in the Context of World Wars]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Porsheva, O.S. (2014) Evolution of the popular image of the allies in the 1917 revolutionary Russia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (42). pp. 43–52.
5. Stel'mak, M.M. (2016) Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.) [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
6. Kosykh, E.N. (2009) Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.): ukazatel' gazet i zhurnalov [Periodical Press of Siberia (March 1917 – May 1918): index of newspapers and magazines]. Tomsk: Veter.
7. Izvestiya Permskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov. (1918) Voprosy voyny i mira [Questions of war and peace]. *Izvestiya Permskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 20 (7) February.
8. Svobodnaya Sibir'. (1917) Peregovory o mire [Negotiations on peace]. *Svobodnaya Sibir'*. 19 November.
9. Amurskoe ekho. (1917) Mestnaya khronika [Local chronicle]. *Amurskoe ekho*. 21 November (4 December).
10. Zhizn' Altaya. (1917) Kooperatsiya i tekushchiy moment [Cooperation and the current moment]. *Zhizn' Altaya*. 6 December.
11. Sibirskaya zhizn'. (1917) Poslednie izvestiya [The latest news]. *Sibirskaya zhizn'*. 20 December.
12. Amurskoe ekho. (1917) Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. *Amurskoe ekho*. 22 December (4 January).
13. Velikova, L.I. & Volgin, P.K. (eds) (1955) *Bor'ba za vlast' sovetov v Primor'e (1917–1922)* [The Struggle for Power of the Soviets in Primorye (1917–1922)]. Vladivostok: Primorskoe knizh. izd-vo.
14. Larin, V.L. et al. (eds) (1997) *Podgotovka i nachalo interventsii na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – oktyabr' 1918 g.): dokumenty i materialy* [Preparation and Beginning of Intervention in the Far East (October 1917 – October 1918)]. Vladivostok: Nauka.
15. Dalekaya ukraina. (1918) Styd za chuzhikh [Shame for strangers]. *Dalekaya ukraina*. 17 (4) January.
16. Put' naroda. (1918) Soldaty, Rabochie, Krest'yane i vse Grazhdane! [Soldiers, Workers, Peasants and all Citizens!]. *Put' naroda*. 14 January.
17. Denisov, V. (1918) Ugroza samostoyatel'nosti Rossii [The threat of independence of Russia]. *Zemskaya gazeta*. 14 January.
18. Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo Soveta. (1918) K grazhdanam Sibiri! [To the citizens of Siberia!]. *Izvestiya Vremennogo Sibirskogo oblastnogo Soveta*. 18 January.
19. Altay. (1918) Irkutsk [Irkutsk]. *Altay*. 3 (16) January.
20. Zverev, V. (2016) "Gorod ozhil, sovet bezhal, poyavilas' novaya vlast'...". Vypiski iz dnevnika ["The city came to life, the council fled, a new government appeared..."]. Extracts from the diary]. *Sibirskie ogni*. 9. pp. 155–179.
21. Delo Altaya. (1918) Ugroza s vostoka [The threat from the East]. *Delo Altaya*. 26 January.
22. Kazakova, A. (1918) Na perevale [On the pass]. *Delo rabocheho*. 22 January.
23. Svobodnyy kray. (1918) Yaponskoe pravitel'stvo o desante vo Vladivostoke [The Japanese government about the landing in Vladivostok]. *Svobodnyy kray*. 16 January.
24. Amurskoe ekho. (1918) Yaponiya gotova vystupit' na Dal'nem Vostoke [Japan is ready to perform in the Far East]. *Amurskoe ekho*. 13 (26) January.
25. Golos Primor'ya. (1918) Tochka nad I [Dot over i]. *Golos Primor'ya*. 28 January (10 February).
26. Golos Primor'ya. (1918) Bezopasnost' v gorode [Security in the city]. *Golos Primor'ya*. 26 January (8 February).
27. Svobodnaya Sibir'. (1918) Krovavyye dni v Irkutske [Bloody days in Irkutsk]. *Svobodnaya Sibir'*. 4 January.
28. Zemskaya gazeta. (1918) Iz gazet [From newspapers]. *Zemskaya gazeta*. 21 (8) February.
29. Polynov, K. (1918) Yaponsky [The Japanese]. *Dalekaya ukraina*. 1 February (19 January).
30. Amurskoe ekho. (1918) Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. *Amurskoe ekho*. 17 February.
31. Omskiy vestnik. (1918) Amerikanskaya missiya [American Mission]. *Omskiy vestnik*. 21 (8) March.

32. Grevs, V. (1932) Amerikanskaya avantyura v Sibiri (1918–1920 gg.) [American Adventure in Siberia (1918–1920)]. Moscow: Voengiz.
33. Fominykh, S.F. (1988) K istorii intervetsii i grazhdanskoj vojny v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: Kriticheskiy analiz amerikanskoy diplomaticheskoy perepiski kak istoricheskogo istochnika [On the History of Intervention and Civil War in Siberia and the Far East: A Critical Analysis of American Diplomatic Correspondence as a historical source]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Gins, G.K. (1921) Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротный момент russkoy istorii 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva) [Siberia, Allies and Kolchak. The turning point of Russian history 1918–1920. (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Part 1. Beijing: Obshchestvo Vozrozhdeniya.
35. Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta. (1918) Vynuzhdennyy shag [Forced step]. Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta. 23 February (8 March).
36. Altayskiy luch. (1918) Mir li? [Is it peace?]. Altayskiy luch. 19 (6) March.
37. Delo Sibiri. (1918) Omsk, 3 marta [Omsk, March 3]. Delo Sibiri. 3 March.
38. Tomskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. (n.d.) Mir zaklyuchen [Peace is made]. Tomskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 12. 4 April (22 March). pp. 2.
39. Golos Primor'ya. (1918) Novikov-Sibirskiy. Velikoe nastuplenie [Novikov-Siberian. The Great Offensive]. Golos Primor'ya. 15 (28) March.
40. Golos Primor'ya. (1918) My i soyuzniki [We and the allies]. Golos Primor'ya. 10 (23) March.
41. Omskiy vestnik. (1918) Dal'nevostochnye sobytiya [Far Eastern events]. Omskiy vestnik. 28 (15) March.
42. Omskiy vestnik. (1918) Omsk, 31 (18) marta [Omsk, March 31 (18)]. Omskiy vestnik. 31 (18) March.
43. Polynov, K. (1918) Yaponskiy [The Japanese]. Dalekaya ukraina. 19 (6) March.
44. Budberg, A.P. (1923) Dnevnik barona A.P. Budberga [Diary of Baron A.P. Budberg]. In: Gessen, I.V. (ed.) Arkhiv russkoy revolyutsii [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 12. Berlin: Slovo. pp. 197–290.
45. Potanin, G.N. (1918) K naseleniyu Sibiri [To the population of Siberia]. Sibirskaya zemskaya derevnya. 7. 17 (30) April.
46. Omskiy vestnik. (1918) Omsk, 17 (4) aprelya [Omsk, April 17 (4)]. Omskiy vestnik. Omsk. 17 (4) April.
47. Golos Primor'ya. (1918) Vremennoe sibirskoe pravitel'stvo i inostrannaya pomoshch' [Temporary Siberian government and foreign aid]. Golos Primor'ya. 1 (14) April.
48. Golos Primor'ya. (1918) Vysadka inostrannogo desanta [The landing of a foreign landing party]. Golos Primor'ya. 6 April.
49. Golos Primor'ya. (1918) Nachalo kontsa [The beginning of the end]. Golos Primor'ya. 24 March (6 April).
50. Golos Primor'ya. (1918) Desant [Landing troops]. Golos Primor'ya. 27 March (9 April).
51. Dalekaya ukraina. (1918) Desant i nashi zadachi [Landing and our tasks]. Dalekaya ukraina. 7 April (25 March).
52. Khabarovsk. (1918) Priamurskaya zhizn' [Amur life]. Khabarovsk. 10 April (28 March).
53. Nikolaev, V. (1918) Pered litsom novogo nashestviya [In the face of a new invasion]. Altayskiy luch. 9 April (27 March).
54. Erlikh, G. (1918) Na Dal'nem Vostoke [In the Far East]. Delo rabochego. 8 April (26 March).
55. Prizyv. (1918) Raznye vesti. Yaponskoe vmeshatel'stvo [Different news. Japanese intervention]. Prizyv. 8 April.
56. Golos Primor'ya. (1918) Telegrammy [Telegrams]. Golos Primor'ya. 3 (16) April.
57. Priamurskaya zhizn'. (1918) Khabarovsk, 6 aprelya [Khabarovsk, April 6]. Priamurskaya zhizn'. 6 April (24 March).
58. Mnogostradal'nyy put' naroda. (1918) Ko vsey revolyutsionnoy demokratii Sibiri [To the whole revolutionary democracy of Siberia]. Mnogostradal'nyy put' naroda. 1 May.
59. Vaynberg, Yu. (1918) Yaponskiy bashibuzuk [Japanese bashi-bazouk]. Altayskiy luch. 11 May (26 April).
60. Shishkin, V.I. (2011) [The West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government: debatable issues of organization and activity]. Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v. [Problems of the history of public administration and local self-government in Siberia at the end of the 17th – beginning of the 21st centuries]. Proceedings of the 7th All-Russian Conference. Novosibirsk. 6–8 June 2011. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 103–119. (In Russian).
61. Shishkin, V.I. (ed.) (2005) Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.) [Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
62. Golos naroda. (1918) Vos'moy sovet partii Sots.-Revolyutsionerov [The Eighth Council of the Party of Social Revolutionaries]. Golos naroda. 4 June.
63. Sibirskaya rech'. (1918) Velikaya novost' [Great news]. Sibirskaya rech'. 29 June.
64. Sibirskaya zhizn'. (1918) Perspektivy [Prospects]. Sibirskaya zhizn'. 20 June.
65. Svobodnaya Sibir'. (1918) Svyatoy dolg [Holy Duty]. Svobodnaya Sibir'. 23 (10) June.
66. Delo Sibiri. (1918) Omsk, 29 iyunya [Omsk, June 29]. Delo Sibiri. 29 June.
67. Delo rabochego. (1918) K voprosu o voennoy pomoshchi soyuznikov [To the question of the military aid of the Allies]. Delo rabochego. 28 June.
68. Vologodskiy, P.V. (2006) Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.) [In Power and in Exile: Diary of the Prime Minister of the Anti-Bolshevik governments and an emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: Chastn. izd-vo P.A. Tribunskogo.
69. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.) [Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)]. Novosibirsk: ID "Sova".

Информация об авторе:

Конев К.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru, kk.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), assistant lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kk.tsu@yandex.ru, konev-k-92@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2021;
одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 28.03.2022.*

*The article was submitted 19.11.2021;
approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 28.03.2022.*